

E. Ya. Margolit

A FILM DEBATES WITH A FILM. CONCEPTIONS DIALOG

Evgeny Yakovlevich Margolit. Science candidate in Art, chief film expert of the State Film Fund of the Russian Federation. Gosfilmofond avenue, Belie Stolby mkr., Domodedovo, Moscow region, 142050, Russian Federation. E-mail: emargolit@mail.ru.

Abstract. In the Soviet cinema of the 70s two films about the war stand out. Later they were defined as key stages of this topic developing, similar in material, aesthetics and plot conflict. Both put the topic of collaborationism, which was practically taboo during the Soviet period, at the center of the story. These are “Check on the Roads” (1971) by Alexei German and “Ascent” (1976) by Larisa Shepitko — directors of the generation of children of the war. Both are based on the prose of the previous generation of writers with military experience — Yuri German, the father of the director and Vasil Bykov. The creators of these films are also similar because of suspicion towards their works from the film-making chiefs. Meanwhile, critics and historians of Russian cinema have repeatedly noted the objectively polemical nature of Shepitko’s film in relation to German’s film. Their film distribution destinies in Soviet times were also diametrically opposed. “Checking on the roads” was banned by the chiefs and released only at the beginning of perestroika. When the “Ascent” was finished, it was classified as a major achievement of Soviet cinema and sent to an international festival in West Berlin, where it received the main prize for the first time in Russian cinema and was subsequently awarded the State Prize. The reason for this difference is the opposite of the original author’s attitudes. The article makes an attempt to comprehend the essence of these attitudes on the basis of comparison of the two films.

Key words: war, man, memory, New Testament, collaboration, state, document, parable.

A. Г. Гачева

ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЙНЫ И СМЕРТИ: ТЕМА ВОЙНЫ В ФИЛОСОФСКОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. ГОРСКОГО²⁵

Гачева Анастасия Георгиевна. Доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; 121069, Российская

²⁵ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект №17–18–01432-П).

Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А. E-mail: a-gacheva@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается трактовка темы войны в позднем творчестве философа, поэта, эстетика Александра Константиновича Горского (1886–1943). Показано, что эта тема тесно взаимосвязана с ключевой для Горского темой преодоления смерти, идущей от философии Н. Ф. Фёдорова. Творчески продолжая мысль Фёдорова и В. С. Соловьёва, Горский видит в войне проявление закона борьбы и вытеснения, царствующего в порядке природы, и путь к «вечному миру» полагает в осуществлении идей активного христианства, в исполнении человеческим родом воскресительной задачи. Анализируя эволюцию темы войны в наследии Горского, автор приходит к выводу о том, что философ вводит ее в эсхатологический контекст, рассматривая мировую войну как Армагеддон, требующий от человечества самоопределения перед лицом добра и зла. Особое внимание уделено поэтическому творчеству Горского периода Второй мировой войны, в котором звучит тема борьбы сил света с апокалипсическим злом. Обращаясь к критике фашизма в наследии Горского, автор показывает, что для философа фашизм предстает как предельное выражение биологизма и милитаризма, которому действительно может противостоять только идея всечеловеческого родства и победы над смертью. В связи с этим тезисом анализируется трактовка Горским и его другом, философом Н. А. Сетницким понятия «творческий марксизм», в которое он вкладывает проективное, имморталистическое содержание.

Ключевые слова: *Творчество А. К. Горского, тема войны, воздействие философии Н. Ф. Фёдорова, преодоление смерти, активное христианство, воскресительные задачи, эсхатологический контекст, фашизм, творческий марксизм.*

В художественно-философском наследии Александра Константиновича Горского (1886–1943), философа, поэта, эстетика, одного из представителей русского космизма и федоровщины XX в.

(см. о нем: Hagemester, 1989, S. 217–241, 343–457; Семёнова, 1994; Гачева, 2003), особое место занимает период войны. Неполных два года — с июня 1941 по январь 1943 г. — вместили в себя огромный пласт идей, проектов и текстов, долгие годы остававшихся погребенными «в могиле стола», известных лишь ближнему окружению и вышедших к читателю и исследователю только сейчас [Горский, 2018].

Выпускник Московской духовной академии, один из деятельных участников литературно-философской жизни Одессы 1913–1920 гг., организатор и председатель Одесского религиозно-философского общества (1918), член литературной секции ГАХН, руководитель одного из московских литературно-философских кружков 1920-х гг., автор статей и докладов о композиторах А. Н. Скрябине и В. И. Ребикове, писателях и поэтах А. С. Пушкине, Н. В. Гоголе, Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском, А. К. Толстом, А. А. Блоке, А. Белом, работ о духовно-творческом диалоге между Н. Ф. Фёдоровым и Л. Н. Толстым, В. С. Соловьёвым, Ф. М. Достоевским, Горский с 1929 по 1937 гг. провел в лагерях, а когда вернулся из заключения, то переехал в Калугу. Этот город был выбран им из-за удобства сообщения с Москвой, но еще и потому, что там с 1892 по 1935 г. жил К. Э. Циолковский, с семьей которого Горский и его жена, певица и музыкант М. Я. Монзалева сблизились в первые же месяцы калужской жизни.

Поселившись в городе на Оке, Горский пытается вернуться к литературной деятельности. Он остается верным своему принципу: «Преследуют значит научатся следовать», выдвинутому еще в первые годы советской власти, когда и он сам, и его друзья-единомышленники Н. А. Сетницкий и В. Н. Муравьёв, настойчиво стремились расширить мировоззренческие горизонты строителей социализма на основе концепции активного, творческого христианства, идеи труда как планетарно-космического преобразования, новой науки, преодолевающей энтропию и смерть. Тогда, в середине 1920-х гг., у Горского появился образ «словесного боя», который должны вести писатели и мыслители XX в., озаренного заревом

апокалипсических битв, против ложных антихристовых идеалов за идеал неветшающей жизни. И сам философ такой «словесный бой» разворачивает — но не с себе подобными, а с дробными, осколочными мировоззрениями за целостный воскресительный идеал, подчеркивая, что «борьба словом» — первый шаг к «борьбе делом», к «организации мировоздействия», направленной на изъятие жала смерти из бытия, в чем Горский, следуя Фёдорову, видит христианское задание человечества.

Образ христианства как религии общего дела, а человечества — как соратника Творца на земле звучит как в поэтических, так и в философских текстах Горского, часть которых во второй половине 1920 — начале 1930-х гг. публикует в Харбине Н. А. Сетницкий, а большинство так и не выходит в печать, но читается ближнему окружению или излагается устно в докладах и выступлениях в ГАХН и литературно-философских кружках Москвы и Ленинграда, в личных беседах — с философами-космистами А. Л. Чижевским, В. Н. Муравьевым, писателем М. М. Пришвиным, художниками А. Г. Конюсом и Г. Э. Бостремом, историком-градоведом Н. П. Анциферовым, актером Г. А. Тартаковым, пианистом и композитором И. Д. Вейссом, литературоведом и мыслителем С. Н. Дурылиным и др. Особое развитие идея активно-христианского смысла культуры, творчества, хозяйства, соединенная стемой преодоления смерти получает в обширной философской переписке Горского — в 1925–1928 гг. с Н. А. Сетницким, в 1929–1937 — с супругой Мэри и сестрой Ниной, а в 1937–1943 гг. сего духовными ученицами, молодыми студентками исторического факультета О. Н. Сетницкой и Е. А. Крашенинниковой. Горский настаивает на необходимости преодоления «смертобожничества» (Горский, Сетницкий, 1995, с. 19–96) — такой термин еще в середине 1920-х гг. придумал он вместе с Сетницким для мировоззрений, склоняющихся перед фактом неизбежности смерти, ее «вписанности» в природный порядок вещей, не признающих даже мысли о том, что, как напишет позднее Б. Л. Пастернак в знаменитом стихотворении «На Страстной», «Смерть можно будет побороть / Усильем Воскресенья».

Развитие темы войны у А. К. Горского в 1910–1920-е гг.

В контексте рефлексии на тему смерти/бессмертия и начинает звучать у Горского тема войны. Подобно Фёдорову, философ не видит в войне, сопряженной с убийством себе подобных, нравственной ценности. Война — калька с законов падшей природы, стоящей на взаимной борьбе существ, пожирании, вытеснении, смерти. В отличие от В. С. Соловьёва, утверждавшего «смысл войны», полагавшего, что в определенных случаях она играет позитивную роль в истории, Горский не ищет войне оправдания. Война, сопряженная с убийством другого, для него антихристианское дело. Он последовательно выступает против религиозного оправдания войны как формы «защиты религии, христианства» [Горский, 2018, кн. 2, с. 425], которое не раз возникало в истории — от крестовых походов до религиозного оправдания насилия против «безбожников» в эпоху Гражданской войны. Но не признает философ и толстовского пацифизма, оборачивающегося непротивлением, подчеркивая утопичность призыва к миру в ситуации глобальной розни, противостояния народов и регионов, классов и отдельных людей, не желающих, как писал еще Достоевский, делаться друг другу братьями. Как и для Фёдорова, для него утопична идея «вечного мира» и социального рая, воздвигаемого на гиблом и смертном фундаменте, при существовании розни, присутствующей внутри самой жизни, проникающей в физическую основу вещей.

Об этой невозможности построения сколько-нибудь прочного и гармоничного мира в «несовершенном и страдальческом мировом целом» [Бердяев, 1923, с. 31] говорили многие представители русской религиозной философии. Тот же В. С. Соловьёв, несмотря на признание целесообразности войны как социального регулятора, указывал на невозможность достичь путем войны сколько-нибудь прочного замирения. Философ призывал учитывать «глубокую почву и широкую основу» «рокового разделения существ» в порядке природы: это «двойная непроницаемость» элементов — во

времени и пространстве, согласно которой всякое последующее вытесняет предыдущее и две вещи не могут занимать одной и той же части пространства [Соловьёв, 1988, с. 540–541]. Н. Ф. Фёдоров утверждал, что лишь изменение бытийного порядка вещей — переход от закона борьбы к закону любви, от закона природного эгоизма, питающего эгоизм социальный, к тому совершенному принципу организации целого, который дан в неслиянно-нераздельном, питаемом безграничной любовью единстве ипостасей Пресвятой Троицы, «единстве без слияния, различии без розни» [Фёдоров, 1995, т. 1, с. 96], окончательно уничтожит войну. В период активных дискуссий о разоружении и подготовки Гаагской конференции мира 1899 г. Московский Сократ писал о необходимости «не бросить меч, а перековать его на орало», «обратить орудия разрушения в орудия спасения» [Фёдоров, 1995, т. 2, с. 298], переориентировать силы, средства, людские ресурсы, накопленные в военной отрасли, на дело регуляции природы и возвращения жизни всем жертвам истории. Откликаясь на споры о марксизме и социализме, философ подчеркивал, что только замена «вопроса о богатстве и бедности» «вопросом о смерти и жизни», только всецелая регуляция природных процессов, обращающая «слепую рождающую и умерщвляющую силу» «в оживляющую» [Фёдоров, 1997, с. 282, 283], создаст (а с христианской точки зрения — восстановит) гармонию — и в царстве природы, и в царстве истории [см. подробнее: Гачева, 2019, 582–587].

Еще в начале 1910-х гг., когда Горский только познакомился с идеями Фёдорова, он в программном предисловии к сборнику «Вселенское дело», вышедшему в преддверии Первой мировой войны, бросил призыв, по-федоровски переинициативающий знаменитый лозунг марксизма: «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений, — соединяйтесь!» [Фёдоров: proetcontra, 2008, с. 258]. Призыву, нацеливавшему на классовое противостояние и войну с эксплуататорами, он противопоставил призыв к «совместной и дружной борьбе со всеобщим врагом» [там же], видя в этой борьбе

путь к подлинному, а не мнимому единству, к прочному, а не хрупкому миру, способному в любой момент взорваться изнутри под действием непреодоленных сил розни.

В конце 1930-х гг. Горский будет писать своим духовным ученицам Н. А. Сетницкой и Е. А. Крашенинниковой, что развернувшаяся в 1914 г. мировую войну он воспринял как своего рода яростную реакцию смертных сил на брошенный в России призыв ко «вселенскому делу», осуществление которого должно было положить конец войне как таковой. А затем пришла революция с новым — уже Гражданским — противостоянием, сопровождавшимся не только военными жертвами, но и жертвами голода и эпидемий, тех естественных бедствий, которым в равной степени оказались подвержены и белые, и красные, и зеленые, — все стоявшие по разные стороны мировоззренческих баррикад были уравнены перед лицом голодной смерти и гибели от испанки, тифа, холеры. Когда же советская власть утвердилась на территории бывшей Российской империи, подоспел новый виток международного кризиса, и со второй половины 1920-х гг. в советской и европейской печати настойчиво обсуждался вопрос о грядущей всемирной войне, которая не за горами.

Откликаясь на эти дискуссии в работе «Острие мирового кризиса» (1928), завершавшей цикл очерков «Николай Фёдорович Фёдоров и современность», Горский писал о том, что предотвратить новую мировую войну возможно только на путях всеобщего дела, перехода от борьбы с себе подобными к борьбе с общим и главным врагом — смертью. Оставаясь же на наличных путях современная — бескрылая, потребительская — цивилизация, в которой бурное развитие научно-технического прогресса никак не подкреплено прогрессом нравственным, обречена на вечную рознь, а в перспективе — и на неизбежную гибель. Делая этот прогноз, Горский ссылаясь на Горького: в предисловии к переводу книги Л. П. Локнера «Генри Форд и его корабль мира» (Л., 1925) писатель пророчил европейскому региону, раздираемому внутренними противоречиями и международной враждой, новую мировую войну,

которая, обращая себе на потребу все научные завоевания человечества, все новейшие технические средства, фактически уничтожит цивилизацию, обратит «в прах очаги европейской культуры, и людей, тех, что не будут убиты, искалечены или повержены в безумие, превратит в диких животных» [Горький, 1953, с. 247]. Обильно цитируя предисловие Горького, Горский сравнивал нарисованную в нем картину будущего Европы и мира с апокалипсическим сном Раскольникова о поразившей человечество моровой язве, о безумии и бешенстве, охватившем погрязших во зле людей, и одновременно с пророчеством Фёдорова о будущей «сциентифичной битве» «как полном приложении всего знания с дальнобойным и скорострельным оружием, с бездымным порохом, с меллинитом, робуритом, в битве на земле и на воде, под землю и под воду, в воздушной высоте, днем и ночью, при свете электрических солнц» [Фёдоров, 1995, т. 1, с. 140], которая неминуема для человечества, упорствующего на путях вражды и розни. И далее выстраивал альтернативный образ истории, ведущий не к войне, а к «миру всего мира», подчеркивая необходимость «дать в руки человечества программу такой работы, которая способствовала бы развитию всех положительных качеств воина, без отрицательных и убийственных последствий войны» [Горский, 2018, т. 1, с. 794].

Программу этой работы Горский видел в философии Фёдорова, исходящей из глубинных чаяний христианства как религии всецелого и всемирного преображения. Рассматривая современную историю в религиозно-философской и эсхатологической перспективе, ища ей место в той картине свершения судеб мира и человека, которая запечатлена в Откровении, он настойчиво акцентировал имплицитно представленную в последней книге Нового Завета идею двух противостоящих друг другу путей человечества — следование за антихристом, «зверем из бездны», «сыном погибели» (Сол. 2, 3) и следование за Христом, «Верным и Истинным, Который праведно судит и воинствует» (Откр. 19:11). Идеал войны, построенный на признании нормальности и законности смерти, неколебимости законов падшей природы, Горский

соединял с фигурой антагониста Творца, «имущего державу смерти» (Евр. 2:14). Идею умиротворения, предполагающую борьбу не с себе подобными, а с грехом, злом и смертью, видел во Христе как Центрообразе истории как «работы спасения». И именно с ней соединял фёдоровский призыв к регуляции внешней и внутренней, возводящей от узкой, эгоистической «материократии» к «психократии» и «космократии» [Фёдоров, 1997, с. 282, 283].

Подобно философу общего дела, обосновывавшему необходимость регуляции и религиозно — как задание человечеству исполнить заповедь «обладания землей», и естественнонаучно — как требование самой природы, приходящей в человеке к самосознанию, начинающей «не только сознать себя, но и управлять собою» [Фёдоров, 1995, т. 2, с. 239], Горский выдвигает «организацию мировоздействия» и как религиозное дело человечества, и как эволюционную, онтологическую его задачу. В связи с последним он демонстрирует особый интерес к исследованиям А.Л. Чижевского, посвященным влияниям солнечной активности на историческую и социальную жизнь человечества. Самый подход Чижевского, показывавшего зависимость исторических событий (революций, войны, психических эпидемий, политических и религиозных движений) от естественных физических и шире — космических процессов — был для него подтверждением мысли о том, что невозможно отрегулировать социальную жизнь, не распространяя регуляцию на природное целое. Подробно излагая в главе «Острые мирового кризиса» содержание брошюры Чижевского брошюры «Физические факторы исторического процесса», вышедшей в свет в 1924 г., он подчеркивает, что пафос этой работы ученого — в призыве к ответственности, к учету космических факторов земных процессов: зная о том, что вспышки на Солнце провоцируют вспышки психической и социальной энергии, нужно учиться направлять эту энергию в созидательное русло, на строительство жизни, а не на человекоубийство в военных и гражданских конфликтах. «В прежние эпохи, — подчеркивает мыслитель, — экстаические возбуждения иногда были связаны

с высшей деятельностью духа, с прозрением мирового плана, созерцанием исторических и космических задач человечества. Произведения, подобные «Откровению Иоанна», писались в этом состоянии. Теперь, когда план осознан, энергия нервного подъема должна идти на *действие*, на осуществление постигнутых задач» [Горский, 2018, кн. 1, с. 803].

В брошюре Чижевского Горский особенно отмечал его мысль о необходимости создания «международных институтов по изучению влияния естественных факторов на поведение индивидов и коллективов» [Чижевский, 1924, с. 68], видя в ней переключку с проектами Фёдорова, выступавшего за создание международного института мира, с идеями В. И. Вернадского и С. Ф. Ольденбурга о формировании интернационала ученых, задача которого — обеспечить гуманное и мирное использование научных открытий, их служение делу жизни, а не делу войны.

Работу «Острые мирового кризиса» Горский завершал говорящими призывами: «Смерть или жизнь. Спасение или гибель. Гибель — в розни, спасение — во всеобщем согласном труде. Третьего не дано» [Горский, 2018, т. 1, с. 811]. Он очень надеялся, что сказанное им слово будет услышано и в письмах настоятельно просил Н. А. Сетницкого ускорить ее печатание в составе цикла очерков «Николай Фёдорович Фёдоров и современность», подчеркивая, что этот четвертый и последний очерк насущнее и актуальнее трех предыдущих: «Все проблемы, которые нами поднимались (научное производство, смертобожничество) или Вами теперь затрагиваются (воскресительное погребение, Ф<едоро>в и Т<олст>ой) есть лишь частные моменты некоторого общего и центрального вопроса о возможности (или невозможности) предотвращения мировой войны» [Горский, 2018, кн. 2, с. 481]. Именно по просьбе Горского машинописный экземпляр работы «Николай Фёдорович Фёдоров и современность» был послан Сетницким А. М. Горькому, на которого и сам Сетницкий, и Горский возлагали большие надежды в плане продвижения идеи борьбы со смертью как подлинного основания миротворчества. Однако напечатать «Острые мирового кризиса» в

1928 г. не удалось, а в 1929 г. Горский был арестован, и Сетницкий, боясь ухудшить положение друга, отложил публикацию, выпустив эту часть отдельной брошюрой лишь в 1933 г.

Тема войны в работах «Творческий марксизм» и «Преодоление Фауста»

Выйдя из лагеря в апреле 1937 г., Горский, воспринимавший современную эпоху как эпоху выбора пути, как и в 1920-е гг., ставит своей главной задачей донести до своих современников, каким может и должно быть целостное строительство жизни, коль скоро оно хочет претендовать на то, чтобы во всей полноте состояться в истории, а не остаться очередным «дробным» идеалом. Даже теперь, в годы репрессий и тотального подавления инакомыслия, он одушевлен намерением поменять идейный фокус советской идеологии с социально-классового на бытийный, космический, ноосферный.

Как и в первой половине 1920-х гг., когда вместе с Н. А. Сетницким и В. Н. Муравьевым Горский работал над сборником «Трудоведение», стремясь вывести трактовку труда за пределы политэкономии в сферу онтологии и антропологии, подчеркивая его космизирующий, антиэнтропийный характер, так и теперь Горский и его друг Н. А. Сетницкий, вернувшийся в 1935 г. из Харбина, обращаются к стрекневым проблемам эпохи, давая им расширительную, федоровскую точку зрения. Именно ее кладут они в основание работы с говорящим названием «Творческий марксизм и ликвидация хвостизма в биологии», которую пишут летом 1937 г. Надеясь, что им удастся вывести свои идеи в печать, они избирают метод разговора с советской идеологией на ее языке, в характерной для нее лексике, но при полной подмене понятий, «упаковывая» в обертку характерных для эпохи словесных клише те установки, которые были выработаны ими в развитие «Философии общего дела». Отталкиваясь от фразы Сталина, брошенной 3 августа 1917 г. на VI съезде РСДРП(б): «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве послед-

него» [Сталин, 1946, с. 187], друзья-философы наполняют понятие творческого марксизма проективным, имморталистическим содержанием. Творческий марксизм для них — это активное, жизнотворческое мироотношение, выводящее к целостному, преобразовательному действию в природе и истории, действию не только социальному, но онтологическому, направленному против смерти, требующему тотальной победы над ней. «Творческий марксизм» противостоит «смертобожничеству» и именно он призван дать новый — имморталистический — вектор развитию наук о жизни, и прежде всего биологии.

В работе «Творческий марксизм и ликвидация хвостизма в биологии» религиозно-философский пласт темы бессмертия был элиминирован, о христианских основаниях задачи преодоления смерти по понятным причинам не говорилось. Но самый пафос мысли Горского, убеждавшего биологов, что смерть для природы не естественна, а противоестественна и недолжна, что она стреножит развитие мира и человека, истекал именно из христианской картины мира, где смерть и тесно связанная с ней борьба существ не изначальны, но являются следствием грехопадения и должны быть упразднены в финале времен. Более того, философ видел возможность сближения «творческого марксизма» и христианского активизма, стремящегося не просто верить во Христа, но творить Его дела, не просто чаять «воскресения мертвых и жизни будущего века», но и осуществлять их в реальности.

В 1939–1940 гг. Горский пишет статью «Преодоление Фауста», ставя в ее центр фигуру А. М. Горького. Обращаясь к официальной, точнее, официозной трактовке творчества первого «пролетарского писателя», «буревестника революции», он фактически взрывает ее изнутри. Горский вскрывает в Горьком глубинно религиозное стремление к правде, пафос богостроительства, жажду реального делания в истории, прочитывает художественный мир писателя сквозь призму имморталистической темы. Горький с его нетерпимостью к «мещанству», «окуровской» философии, стоящей на максиме: «Во что ни верь, умрешь!», с его апологией Человека как

творческой силы мира, становится главным духовным союзником Горского в его попытке расширить мировоззренческую платформу строителей социализма и одновременно — в его рефлексии о путях современной истории, где, с точки зрения Горского, есть только два возможных исхода: мировая война или всемирная регуляция.

Еще в 1924 г. в письме английскому писателю Г. Уэллсу, размышляя над шпенглеровской темой заката Европы, А. К. Горский и Н. А. Сетницкий писали о том, что для современного человечества война представляется желанным исходом в ситуации духовной и культурной стагнации, исчерпанности прежних путей развития. Война — прерывает бесцельное существование, видится резким, но хирургически необходимым вмешательством, позволяющим вырваться из трясины материократии. Накопляющиеся энергии масс, не находя созидательного исхода, способного удовлетворить чаяния и мечты людей, находят себе исход в войне, прерывающей привычное течение жизни, встряхивающей унылых мещан, пробуждающей уснувший дух героизма [см.: Горский, 2018, кн. 2, с. 365]. Война кажется спасением в ситуации кризиса, но возникает вопрос: действительно ли от кризиса спасает война?

Размышляя о причинах европейского кризиса в работе «Преодоление Фауста», Горский полагает их в том, что «фаустианский» человек с его пафосом активности, неудержимого стремления к познанию мира и действию в нем, так и не сумел преодолеть в себе индивидуалистического соблазна, а главное, что при всех широко-вещательных декларациях: «Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день за них идет на бой», — он стреножен убеждением в существовании роковых пределов жизни, в неустрашимости смерти для человека и человечества.

Эта ахиллесова пята фаустианского человека, мысль и действие которого упираются в барьер смерти, по мысли Горского, в конечном итоге и становятся причиной развития в европейской культуре пессимистических и катастрофических тенденций — от поэзии «мировой скорби» до построений Э. Гартмана с его идеей коллективного самоубийства человечества, призывов Ф. Ницше

«всем как одно целое пойти навстречу предстоящей гибели с трагическим умонастроением» [Ницше, 1909, с. 352] и трагической темы «гибели богов» в знаменитой тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга». Исторический пессимизм и катастрофизм, неразрывно связанный с этим признанием пределов и границ человека, невозможности разомкнуть тиски смерти, оборачивается, в представлении Горского, парадоксальным, но психоаналитически понятным бессознательным влечением к ней, а главное — апологией войны и бранного подвига, несущего человеку героическую, достойную смерть, которая гораздо благороднее постыдного угасания от старости, немощи и болезни.

Предельным проявлением (и саморазоблачением) фаустианского типа сознания, парадоксально соединяющего апологию знания и действия с глубинным пессимизмом и смертопоклонничеством, Горский считает фашизм, мировоззренческий комплекс которого представляет собой гремучую смесь биологизма и милитаризма. Еще во второй половине 1920-х гг., характеризуя в одном из писем Н. А. Сетницкому европейские политические тенденции, Горский пишет о том, что «фашизм принимает форму дикой истерии — и бредит исключительно войной» [Горский, 2018, кн. 2, с. 411]. По убеждению философа, победить фашизм и предотвратить сползание мира к войне, которая, как предупреждали еще во второй половине 1920-х гг. военные и политические аналитики, грозит быть «истреблением всего живого» (Горский, 2018, кн. 2, с. 466), возможно, только разбив лежащую в его подпочве «психоидеологическую» установку на признание смерти и борьбы за существование непреложным законом природы, а значит и на эксплуатацию этого закона в социальной и политической жизни.

Единственный продуктивный способ борьбы с фашизмом — не путь вооруженного сопротивления, а путь общего дела. И для этого необходимо целостное, неущербное мировоззрение, в основе которого лежит идея преодоления смерти, идеал совершенной, неветшающей жизни. Только оно, считает Горский, сможет поставить барьер фашистской идеологии, селективному принципу расы

и крови, апологии войны как действенного инструмента развития социума. И главный вопрос, который задает Горский своим современникам, может ли идеология коммунизма стать подобным мировоззрением, преодолеть свою ущербность и дробность, дорасти до «целостного идеала».

В 1935 г. в исповедальном письме А. М. Горькому друг Горского, Н. А. Сетницкий выразился прямо и твердо: «Трагично то, что никто из строителей социализма не рискует сказать, что без борьбы со смертью нельзя и думать о социализме и что коммунизм не может быть построен без победы над смертью» [Сетницкий, 2003, с. 381]. Горский думает так же. В отличие от фашизма, замкнутого в своей расовой, биологической дробности, представляющего собой идейную кальку с законов падшей природы, идея социализма, содержащая в своей подпочве апостольскую идею братского единения, творческого действия и труда, имеет потенциалы роста и развития, способна преодолеть свою дробность. Но для этого ее идеологам нужно отказаться от социально-классовой точки зрения, перестать считать смерть «непреложным законом природы», поставить во главу угла «жажду бессмертной жизни, уверенность в ее возможности» [Горский, 2018, кн. 2, с. 526].

Для фашизма «война столь же неразрывно связана с жизнью, как рождение и смерть» [Горский, 2018, кн. 2, с. 524], и победить фашизм, можно только разорвав эту связь. Об этом Горский пишет американскому микробиологу П. де Крюи, автору знаменитой книги «Охотники за микробами» (1926), видевшему в микробиологии науку, сопротивляющуюся болезни и смерти. Назывательно, не давая объяснений и не раскрывая подробностей, обозначает он здесь одну из важнейших линий своей рефлексии над феноменом войны, подчеркивая на первый взгляд его неочевидную связь с реальностью полового рождения, тесно сплетенного в порядке природы с вытеснением и смертью. Понятно, что в письме иностранному автору, которое никак не могло миновать бдительных глаз идеологической цензуры, раскрывать эту связь было бы, как минимум, неосмотрительно. Однако то, что в цитируемом тексте

как и те, кто произвел их на свет, более того — своим появлением обрекающих родителей на неизбежную — пусть и отсроченную во времени — смерть. В своей версии преображенного эроса он рассматривает два типа эротики: мужской, фаллоцентричный, сопряженный с экспансией и насилием, и женский, магнитно-облачный, создающий вокруг организма как бы «магнитное облако сил», заряжающий окружающую атмосферу, распространяющий в мир волны живой энергетике. Именно второй тип эротике, с точки зрения Горского, должен стать основой сознательно-творческой регуляции, устремляясь к установлению того сизигического единства, которое в конечном итоге сменит нынешний порядок существования, основанный на борьбе и розни.

С первым же — мужским — типом эротике Горский связывает идею войны. Отсылая к идеям З. Фрейда, соединявшего зов Эроса с зовом Танатоса, он пишет об особом типе бранного эроса, подчеркивая, что орудия войны в разные эпохи истории (копья, стрелы, военные снаряды, пушки, ракеты и др.) по форме напоминают эрегированный фаллос. Бранный эрос гомоэротичен, а значит не имеет уравнивающего начала в виде женского типа эротике. Более того, обратной стороной гомоэротической установки является кастрационный комплекс. Сама смерть, в том числе смерть в военном сражении, предстает как «кастрация». В одном из писем Сетницкому Горский так формулирует эту мысль: «Предел гомоэротизма без сизигической атмосферы и цели — экзальтированная кастрация — всеобщее само- или взаимно-умерщвление. Что и подготавливается в грядущей войне как венец “абортивно-алиментарного” строя» [Горский, 2018, кн. 2, с. 442]. Философ представляет войну как изнанку нынешнего типа функционирования живого: оно построено на питании, необходимым условием которого является уничтожение чужой жизни (об этом «кровавом искусстве жить» современник Горского, обернут Николай Заболоцкий писал так: «В желудке нашем исчезают травы, / Животные, растения, цветы») и эгоистическом самоутверждении, одним из крайних

проявлений которого является «аборт», сознательное отторжение женщиной зародившейся в ней новой жизни.

Военному типу организации общества, построенному на доминировании мужского начала, «шлемоблещущего» бранного эроса, Горский противопоставляет иной, сизигический тип организации социального (а затем и природного) целого, который он связывает с женской, магнитно-облачной эротикой. В отличие от мужского этот тип эротизма связан со стремлением к умиротворению, соединению, преодолению розни, к тому «неслиянно-нераздельному» типу соединения, который дан в образе Троицы и основан на энергетике любви. И главный вопрос, который ставит и стремится разрешить Горский, — какая установка возобладает в истории человечества: установка на войну, связанная с торжеством гомоэротизма, или сизигическая установка любви?

Тема уопремены в поэзии Горского первых лет войны

Еще в очерке «Острие мирового кризиса», размышляя о перспективах наличной истории, вышедшей из мясорубки Первой мировой войны и неуклонно движущейся к новой милитаристической катастрофе, Горский подчеркивал: «Война 1914–1918 гг. была только репетицией подлинно мировой войны, того Армагеддона, к которому идет сейчас столь неутомимая подготовка» [Горский, кн. 1, с. 780].

«Катастрофический разлом в мире все же произошел» — так в сентябре 1939 г. в письме О. Н. Сетницкой и Е. А. Крашенинниковой отреагировал Горский на начало Второй мировой войны. После заключения акта Молотова-Рибентропа он стремится осмыслить «психоидеологический стык двух мировых движений» — «коммунизма и фашизма», подчеркивая, что он заостряет «проблему противопоставления (или соглашения) двух принципов человеческого объединения: трудовое товарищество или кровное братство». Для Горского оба эти принципа несовершенны в своей обо-

собленности, подлинное же единство «труда», напоминающего об ответственности человека за бытие, и «крови», напоминающей о его родстве со всеми людьми, а не только с народом, членом которого он является, возможно только на активно-христианских путях, требующих от человека деятельного соучастия в возвращении жизни всем жертвам истории [Горский, 2018, кн. 2, с. 654]

Когда же огонь мировой войны дошел до границ СССР и начался отсчет Великой Отечественной, Горский откликнулся на эти события как на Божий призыв. Памятуя, что по-гречески «кризис» означает «суд», он воспринял все совершающееся как суд над историей, над путями современного мира, как призыв к радикальному пересмотру мысли и жизни. Война была воспринята им как жестокая встряска для тех, кто живет по принципу «моя хата с краю», уютно устроившись в мещанской срединности, как указание стоящим у властного руля наконец увидеть ущербность социальных моделей, коль скоро они неспособны преодолеть смерть, а значит войну, как призыв к радикальной смене целей и ценностей, к метанойе — причем во всемирном масштабе. Об этом свидетельствуют его стихи, написанные в часы ночных авианалетов, когда небо Калуги озарялось лучами прожекторов и световые лучи, как вестники, нудящие к ответу, проникали до самых глубин сердца и совести.

«Мир перестроен от верхушки до самых оснований» — главный идейный мотив стихов Горского, которые в первый год войны лились неостановимым потоком. Прежние пути мира уже невозможны. Человечество, погрязшее в мышинной возне, вброшено в апокалиптическую эпоху, и каждому предстоит дать ответ, на чьей он стороне: «зверя из бездны» или Христа. «Обыватели», которым все равно, что фашизм, что социализм, «домишек жители», привыкшие к инерции неподвижного, блеклого, заболоченного существования, самим ходом вещей, реальностью ежедневных налетов, вынуждены еженощно поднимать голову и вглядываться в звездное небо:

И поневоле вы должны,
Пусть ненароком, мимоходом,
Знакомиться со звездным сводом,
С разгоном облачной волны.

Вы в прибыли... До этих пор
Вы лишь от желудей жирели...
Теперь же тайны подсмотрели,
Вошли в пирующий простор.

Вся ваша жизнь обнажена,
Вся взвешена по новой норме
И найдена пустой... И в корне
На пересмотр обречена.

Вам больше не уткнуться вниз;
Не мыслите — в две-три субботы
Покончить с небесами счеты:
Они — едва лишь начались.

Одно всем помнить надо чаще,
Что звезды с нами, тут как тут:
Желающих они ведут,
А не желающих потащат.

(«Верхоглядья», 1941)

Как когда-то В. Н. Муравьев выстраивал композицию философской мистерии «София и Китоврас», символически соотнося ее семь действий с семью громами Апокалипсиса [Муравьев, 2011, с. 610], так теперь Горский соотносит с семью гласами Апокалипсиса события современности: «Когда глаголят семь громов, / Внимай: записывать не надо». Время истории становится эсхатологическим временем. Но в этом для Горского не симптом катастрофической гибели мира, как это представляется боязливому,

пессимистическому сознанию, а апокалипсический призыв к преобразующему мир действию, пролог чаемой эпохи тысячелетнего Царства Христова, которое должно раскрыться в истории при благом участии человечества. Об этой грядущей эпохе вселенского воскресительного дела — стихотворение «Сей день», эпиграфом к которому Горский ставит строки Пасхального канона: «Сей день, его же сотвори Господь, Возрадуемся и возвеселимся в онь»:

Не завтрашний, нет-нет! И не вчерашний,
Сегодняшний! Вот этот, что сейчас?
Он встал, судящий, мстящий, грозный, страшный,
Но радостный, ликующий для нас!

Для всех, кто смел! Для всех, кто не пассивен!
Для алчущих, дерзающий творить —
День, *этот* день — донельзя свят и дивен,
Он славу слав в громах проговорит.

Сей день великий, день так долго жданный,
Сей день, который сотворил Господь,
Дабы раздвигся тьмы покров туманный
И в море вечности очнулась плоть.

Дабы распался бред могильной башни
И прянул план, и грянул гневный глас...
Не завтрашний, нет-нет! И не вчерашний!
Сегодняшний! Вот этот, что сейчас.

Претворяя в стихах лета 1941 г. впечатления от ночных авианалетов, которым подвергалась Калуга почти ежедневно, Горский акцентирует внимание не на вражеских машинах, сеющих смерть, но на лучах прожекторов, которые прорезают тьму светом, бороздят небо, устремляются к звездам. Картины воздушных сражений и зенитные прожектора, высвечивающие адские машины, что сеют

смерть, слагаются у поэта-философа в образ апокалипсической битвы, в которой сыны света побеждают сторонников князя тьмы:

Грездовые звезд в верхушке вязи
Запуталось и заплелось...
Лучистый узел, как зараза,
Растет беззвучно вдоль и вкось.

Не крик врага... не стоны друга...
Но вести небу понесу:
Днесь звездолунная Калуга
Вошла в иную полосу.

Сверхмолния мивозблестело
Без признака грозových туч
Насквозь молитвенное тело,
Рождая всеохватный луч.

Сверк непрерывного сраженья
Ночь разрывающих зарниц.
Лишь это пир преображенья —
Смещенья линий и границ.

Быть может, мы увидим вскоре,
Прорвавши мрака древний слой,
На обновляемом Фаворе
Стан Моисея с Илией.

(«Ночь преображенья», 1941)

Световые всполохи прожекторов, ракеты, прорезающие ночную тьму и освещающие горизонт, — все это заставляет Горского вспомнить гоголевскую «Страшную месть», которую философ воспринимает не только как повесть-предупреждение, но и как от-

кровение — достаточно вспомнить ее знаменитый фрагмент: «За Киевом показалось неслыханное чудо<...>стало видимо далеко во все концы света» [Гоголь, 1940, с. 275]. То же «всевидящее» апокалипсическое зрение рождается, по мысли Горского, и в часы воздушных боев, освещаемых сполохами прожекторов:

Внезапно — в дрогнувшей дали
 Порхающий, поющий пламень, —
 Ракетой из-под облаков
 Расколыхал покой полночный,
 И стали видны далеко
 Ока и области заочны.
 В тот миг пронзительный испуг
 Был странной радостью заряжен.
 И вся действительность вокруг
 Распалась тающим миражем.

(«Знак», 1941)

В первые месяцы войны, ощущаемые как «порог времен», Горский начинает цикл стихотворений и поэм, отчасти вдохновленных блоковским циклом «На поле Куликовом». Центральной символической фигурой цикла является фигура Гоголя, а главным смыслодержателем сюжета — посещение писателем Калуги и чтение второй части «Мертвых душ». В поэме «Гоголь в Калуге» Горский трактует ее как начатый, но не доведенный до конца призыв к общему делу, во всей полноте и силе прозвучавший затем в федоровской «Философии общего дела». Недаром Горский вплетает в поэму знаменитую федоровскую аллюзию на вопрошание Гоголя: «Русь!.. Что пророчит сей необъятный простор», раскрывающую космическое призвание человечества: «Наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» [Фёдоров, 1995, т. 1, с. 254]. Продолжая мысль Фёдорова, Горский подчеркивает, что именно Россия должна изречь всему миру слово об общем деле, «родить вселенскую

зарю»: «Закинуть сеть в заливы звездные, / Миную смерть, минуя гроб!». В этом — смысл подлинного богатства, которое заключается не только в ратном подвиге, но и в святости, а главное — в реальной победе над смертью.

В Калужском цикле стихотворений и поэм Горского нет никаких «советских» реалий. Здесь звучит тема России, русской идеи, трактуемой сквозь призму философии Фёдорова, появляется образ спасительной корневой силы, рождающей братство и устремленной к преодолению розни. Поэт-философ теперь сознательно выводит тему войны за пределы столкновения идеологий фашизма и коммунизма. И та, и другая представляются ему дробными, осколочными системами, претендующими на то, чтобы объяснять мир и строить модели истории, однако в реальности неспособными предвидеть, а тем более охватить своим влиянием ни течение природной жизни, ни неожиданные кульбиты истории и ее лукавого разума. Примечательны с этой точки зрения два восьмистишия, написанные с разницей в несколько месяцев. В центре обоих — установленный в Калуге памятник Фридриху Энгельсу. Только в первом он невозмутимо стоит в Калужском сквере, а во втором — валяется на земле, безжалостно сброшенный после входа в Калугу немецких войск со своего пьедестала:

Природа

В декабре — весна в разгаре!
 В пух и прах расчетов справки:
 Вон — на Энгельса бульваре
 Чуть не зеленеют травки.

Ну, а что здесь будет завтра?
Снег пойдет? Полюются воды?
Не поводит усом автор
«Диалектики природы».

1940

Через год

А назавтра Энгельс бедный
В посрамленье всяких правил,
Носом вниз на землю сверзаясь,
Кверху бороду наставил.

Послезавтрашнее — где ты?
Воздержусь от прорицаний.
Все течет на этом свете
К отрицанию отрицаний.

Октябрь 1941

Языком образа демонстрирует Горский говорящий разрыв между идеологической схемой и живой жизнью природы, парадоксальной, непредсказуемой, не поддающейся окорачиванию, между расчисленным, умозрительным планом и ходом реальной истории. И настойчиво выводит к той единственной точке зрения, которая преодолевает разрыв между мыслью и жизнью, обретая ее в идеале активного, творческого христианства. Недаром в стихотворении «Калужская Богоматерь», написанном в декабре 1941 г., когда шли бои за Калугу, проясняя пришедший из стихотворений лета 1941 г. образ лучей от прожекторов, бороздящих небо и высветляющих тьму, он прямо связывает его с темой спасения, восклицая вслед за пророком Исайей: «Чем кончится Луча и Мрака спор?».

Оккупированная и освобождаемая Калуга вырастает у Горского в образ Города, из которого должно изойти Слово об Общем деле:

Сквозь Книгу — в Жизнь!.. Строка затрепетала,
И Слово налилось, расти спеша,
Чтоб Делом стать... Такой себе избрала
Влекущий Образ Города Душа.

(«Калужская Богоматерь», 1941)

Весна 1942 г., наступившая после освобождения Калуги, проходит для Горского под знаком темы опаматования, отречения от духовных соблазнов, от ложных, хотя и громогласных идеологий. Время Великого поста он воспринимает как время покаяния, тотальной умопремены. В стихотворении, посвященном неделе о мытаре и фарисее, его лирический герой восклицает:

Удастся ли оттаять хоть теперь?
Чтоб не примерзла Покаянья дверь
И, в грудь себя с рыданьем ударяя,
Мог стать бы весь молитвой мытаря я!

(«Неделя о фарисее», 26 января 1942).

А поэтическая реплика на притчу о блудном сыне, которую Горский, вслед за церковной традицией и вслед за Фёдоровым, трактовал как притчу о человечестве, забывшем свой долг, ушедшем на ложные, погибельные пути, заканчивалась следующим четверостишием:

Покуда воскресительной волны
Не обоймет нас очерк голубиный,
Нет родины для нас. Весь мир чужбина
И все мы — неба блудные сыны.

«Убей фашиста». Война как псевдодело в отсутствии Дела

Размышления о войне как сломе путей современной истории, кризисе прежних ее идеалов, открывающем путь к опознанию и исполнению общего дела, соседствовали у Горского с критикой тех идейных тенденций, которые продолжали удерживать историю в прежнем смертобожническом русле, загоняя ее в прокрустово ложе схватки идеологий, где верховным принципом действия оказывался «упрощенческий лозунг “убей фашиста”» [Горский, 2018, кн. 2, с. 653]. Чем дольше длилась Вторая мировая война, тем настойчивее утверждался философ в своем убеждении, что вооруженная борьба — только паллиативное решение в плане ее окончания. Разгром фашизма, не сопровождаясь переменой сознания, обращением на путь общего дела, не устранил вражды в человечестве, а значит и будущих войн. Только поставление перед человечеством ясной и четкой задачи преодоления смерти и работа над осуществлением этой задачи станет подлинным разгромом фашизма — не только как внешней политической силы, но и как идеи, претендующей на то, чтобы подчинить себе мир.

Еще в 1924 г. в письме английскому писателю Г. Уэллсу, размышляя о европейском человечестве, вышедшем из мясорубки «мировой пятилетней войны», Горский и Сетницкий писали о том, что она с неизбежностью повторится, ибо в жизни продолжают властвовать те идейные силы, которые спровоцировали эту войну. Человечество не имеет подлинной цели. А значит война оканчивается спасительным исходом из бесцельности существования, из бессмысленной материократии. Когда накапливающиеся силы не находят созидательного применения, способного удовлетворить предельные чаяния и мечты людей, они находят исход в военных столкновениях, в бранной схватке [см.: Горский, 2018, кн. 2, с. 365]. Более того, героическая смерть на полях сражений избавляет от постыдной и совершенно негероической смерти в собственной постели, от медленного умирания, совершающегося в течение

жизни, открывает возможность умереть красиво, по-тютчевски «просиять и погаснуть». Между тем как, с христианской точки зрения, нужно не умирать красиво, а действовать — со всей полнотой ответственности и любви.

Это понимание не раз звучит в стихах Горского военных лет, достигая кульминации в стихотворении «Узкое место» (1942), где саркастически подана дилемма: умирать ли на поле боя или «“Кончатся” кротко на постели / Под бормот баб и докторов», «В бою ли погибать достойней, / Иль в перемирьи загнить?..» По мысли Горского, ответа не будет, «покуда / Не втиснется в сознание масс, / Что жизнь бессмертная не чудо, / А дело каждого из нас».

Образ войны как псевдодела в отсутствии Дела, как вынужденной попытки найти исход накопившимся силам в отсутствии или незнании подлинной цели жизни появляется в программном восьмистишии Горского:

Встряхнулись: бьются и убьют.
Вновь поняли: да, жизнь опасна,
Но несказуемо прекрасна
В пугливых промельках минут.

Ловушка? Или щель прорех?
Где выход брезжится несмело
И даже некий призрак дела
Почтичто общего... для всех.

Перед лицом личной Голгофы

Переписка с Сетницкой и Крашенинниковой, с начала войны сводившаяся к обмену открытками (при том, что довоенные письма насчитывали зачастую под два десятка страниц), обретает новое дыхание после освобождения Калуги. Горский много пишет об эстетике и литературе, рисует новые перспективы художественного синтеза, связанные с искусством кино. Еще до начала войны он внимательно следил за экспериментами в области стереокино,

осмысляя выразительные возможности монтажа. Соединение на киноэкране кадра и музыки позволяет, по мысли философа, воспринимать музыкальный строй зрительно, а в концепции его эстетического трактата «Огромный очерк», согласно которой зрение обладает проективной и регулятивной способностью, зрительное восприятие музыки (волнуемой, текучей стихии) интерпретируется как одна из вех на пути к гармонизации хаоса. Пусть и в границах искусства как такового, кинематограф, по мысли Горского, прощупывает модели будущей организации жизни. И сам он мечтает организовать экспериментальную студию нового экрана (ЭСНЭК), которая связала бы искусство кино с образом искусства будущего. Философ размышляет о принципах организации этой студии, набрасывает планы экранизаций и фильмов.

Одним из проектов, особенно одушевлявших Горского в военные годы, был проект звукового фильма о А. Н. Скрябине. Образ композитора, замыслившего великий творческий акт, но уклонившегося от *царского* — богочеловеческого — *пути*, соблазненного прометеизмом, решившего не следовать за Христом, но поставить себя на Его место, выросстал для него в символ эпохи, полной великих стремлений и одновременно великих падений и откатов назад: «В музыке Скрябина дано небывалое по напряженности предощущение чудовищной растраты человеческой энергии во всех войнах» [Горский, 2018, кн. 2, с. 104].

Этой растрате творческой энергии в военных столкновениях, в братоубийстве и разных формах межчеловеческой розни, блужданиям и заблуждениям человечества в чаще идеалов ложных и дробных Горский противопоставляет сознательное усиление светлой энергетике любви, противостоящей черной, отрицательной энергетике смерти. Об этом он пишет и в заметках, оставшихся в личном архиве, и в письмах О. Н. Сетницкой и Е. А. Крашенинниковой. Характерна запись, сделанная 10 января 1942 г.: «Оглядывая миновавший 1941, можно видеть здесь такой пролет надисторией, когда было не до записей. Кристаллизация места и времени, как центра святости, святого города, как организации любви. Встря-

ска и лихорадка войн — только жар и озноб вокруг этого процесса. Завершение его намечено в 1948-ом» [Горский, 2018, кн. 1, с. 109]. В гуще Армагеддона истории, где силы света сражаются с силами тьмы, философ видит грядущее рождение «стана святых и града возлюбленного» (Откр. 20:8), средоточия Царствия Божия на земле, которое должно стать преддверием будущего Иерусалима Небесного, торжества преображенной, бессмертной жизни уже во всем мироздании.

Увы, эти предчувствия и предвестия так и не стали реальностью. Летом 1942 г. в доме Горских появился вежливый молодой человек. Это был актер кино Виктор Константинович Аркасов. Он чрезвычайно интересовался и Фёдоровым, и материалами Горского. С особым вниманием отнесся к рассказу философа об ЭСНЭКе. Расспрашивал продуховных учениц Горского. Внимательно слушал, мило улыбался, благодарил. Горский одушевился, полагая, что встретил соратника. Но молодой человек уехал в Москву и после нескольких попыток контакта с О. Н. Сетницкой и Е. А. Крашенинниковой, которые отнесли к новоиспеченному собрату с разумной недоверчивостью и осторожностью, сгинул, как будто его и не было вовсе. Горский недоумевал, куда пропал Виктор, просил разыскать. А вскоре философа арестовали...

На допросах он вел себя мужественно. На вопросы о том, чем он занимался в период оккупации Калуги, рассказал о своих попытках спасти библиотеку и музей Циолковского, о том, что стал старостой открывшейся кладбищенской церкви (для него, как и для Фёдорова, храмы при кладбищах наполнялись особым значением, представляли как очаги будущего вселенского дела). Следователям, добивавшимся того, чтобы он оговорил себя, отвечал, как власть имеющий, без страха исповедуя свои убеждения: «Я принял революцию и Советскую власть потому, что в них было заложено то, что двигало человечество вперед, к осуществлению мечты о полном овладении всеми силами природы, вплоть до полной ликвидации идиотизма природы — смерти и умирания. Но в действительности я вижу ту же мещанскую покорность природе

и отсутствие борьбы за осуществление идеалов и мечтаний и не могу с ними примириться» [Фёдоров: proetcontra, 2008, с. 615].

В обвинительном заключении Горского помимо привычных для судопроизводства тех лет обвинений в антисоветской деятельности значилась и «пропаганда бессмертия» [Фёдоров: proetcontra, 2008, с. 616]. Далее был приговор к расстрелу, отправка дела на рассмотрение Особого совещания, затем на допрос [Макаров, 2002, с. 103]. Но эта бюрократическая процедура ничего уже изменить не могла. В августе 1943 г., спустя восемь месяцев после ареста, Горский скончался в Тульской тюремной больнице.

Литература

- Берковская, 2008 — *Берковская Е.* Судьбы скрещенья: Воспоминания. М.: Возвращение, 2008. 720 с.
- Гачева, 2003 — *Гачева А. Г.* Религиозно-философская ветвь русского космизма (1920–1930-е гг.) // *Гачева А. Г., Казнина О. А., Семёнова С. Г.* Философский контекст русской литературы 1920–1930х гг. М., 2003. С. 79–125.
- Гачева, 2019 — *Гачева А. Г.* «Почему мірне мир?» Образ войны в философии русского космизма // *Гачева А. Г.* «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. С. 581–594.
- Гоголь, 1940 — *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 14 т. Т. 1. М., Л.: АН СССР, 1940. 556 с.
- Горский, 2018 — *Горский А. К.* Сочинения и письма: В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 1008 с.
- Горский, Сетницкий, 1995 — *Горский А. К., Сетницкий Н. А.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. 448 с.
- Горький, 1953 — *Горький А. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953. 576 с.

- Макаров, 2002 — *Макаров В. Г.* Архивные тайны: философы и власть. Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // *Вопросы философии.* 2002. № 8. С. 98–133.
- Ницше, 1909 — *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: Несвоевременные размышления; Из посмертных произведений (1873–1875); Мы филологи. М., 1909. 426 с.
- Семёнова, 1994 — *Семёнова С. Г.* Преобразовательная эротика А. К. Горского // *Семёнова С. Г.* Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-пресс, 1994. С. 358–381.
- Сетницкий, 2003 — Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг.. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 624 с.
- Соловьёв, 1988 — *Соловьёв В. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
- Сталин, 1946 — *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1946. 428 с.
- Фёдоров, 1995 — *Фёдоров Н. Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1, 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
- Фёдоров, 1997 — *Фёдоров Н. Ф.* Сочинения: В 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. 744 с.
- Фёдоров, 2008 — *Фёдоров: proetcontra, 2008* — Н. Ф. Фёдоров: proetcontra: В 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. 1216 с.
- Чижевский, 1924 — *Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. 72 с.
- Hagemester M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Otto Sagner, 1989. 550 p.

References

- *Berkovskaya E.* Sud'by skreshchen'ya: Vospominaniya [Fates crossing: memories]. Moscow: Vozvrashchenie, 2008. 720 p.

- *Chizhevskij A. L.* Fizicheskie faktory istoricheskogo processa [Physical factors of the historical process]. Kaluga, 1924. 72 p.
- *Fedorov N. F.* Sobranie sochinenij: V 4 t. T. 1, 2 [Collected works in 4 volumes. Vol. 1,2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress", 1995.
- *Fedorov N. F.* Sochineniya: V 4 t. T. 3 [Works in 4 volumes. Vol. 3]. Moscow: Tradiciya, 1997. 744 p.
- N. F. Fedorov: proetcontra: V 2 kn. Kn. 2 [N. F. Fedorov: proetcontra: in 2 volumes. Vol. 2]. Saint Petersburg: RHGA, 2008. 1216 p.
- *Gacheva A. G.* Religiozno-filosofskaya vetv' russkogo kosmizma (1920–1930-e gg.) [Religious and philosophical branch of Russian cosmism (1920s–1930s)] // Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. Filosofskij kontekst russkoj literatury 1920–1930h gg. [The philosophical context of Russian literature in the 1920s–1930s]. Moscow, 2003. P. 79–125.
- *Gacheva A. G.* "Pochemu mirne mir?" Obraz vojny v filosofii russkogo kosmizma ["Why the peace is not the peace?" The image of war in the philosophy of Russian cosmism] // Gacheva A. G. "Ideal ved' tozhe dejstvitel'nost'...": Russkaya filosofiya i literature ["The ideal is also reality ...": Russian philosophy and literature]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2019. P. 581–594.
- *Gogol' N. V.* Sobranie sochinenij: V 14 t. T. 1 [Collected works in 14 volumes. Vol. 1]. Moscow, Leningrad: AN SSSR, 1940. 556 p.
- *Gorskij A. K.* Sochineniya i pis'ma: V 2 kn [Works and letters in 2 vols.]. Moscow: IMLI RAN, 2018. 1008 p.
- *Gorskij A. K., Setnickij N. A.* Sochineniya [Works]. Moscow: Raritet, 1995. 448 p.
- *Gorky A. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 24 [Full collection of works in 30 volumes. T. 24]. Moscow: GHL, 1953. 576 p.
- *Hagemeister M.* Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Otto Sagner, 1989. 550 p.

- *Makarov V. G.* Arhivnye tajny: filosofy i vlast'. Aleksandr Gorskij: sud'ba, pokalechennaya "po pravu vlasti" [Archival Secrets: Philosophers and Power. Alexander Gorsky: destiny crippled "by the right of power"] // Voprosy filosofii. 2002. № 8. P. 98–133.
- *Nietzsche F.* Poln. sobr. soch.: Nesvoevremennye razmyshleniya; Iz posmertnyh proizvedenij (1873–1875); Mi filologi [Complete collection of works: Untimely reflections; From posthumous works (1873–1875); We are philologists]. Moscow, 1909. 426 p.
- *Semenova S. G.* Preobrazovatel'naya erotika A. K. Gorskogo [The transformative erotica of A. K. Gorsky] // Semenova S. G. Tajny Carstviya Nebesnogo [Secrets of the Kingdom of Heaven]. Moscow: Shkola-press, 1994. P. 358–381.
- Iz istorii filosofsko-esteticheskoj mysli 1920–1930-h gg. Vyp. 1. N. A. Setnickij [From the history of philosophical and aesthetic thought in the 1920s — 1930s. 1. N. A. Setnitsky]. Moscow: IMLI RAN, 2003. 624 p.
- *Solovyev V. S.* Sochineniya: V 2 t. T. 2 [Works in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988. 822 p.
- *Stalin I. V.* Sochineniya. T. 3 [Works. Vol. 3]. Moscow: OGIZ, 1946. 428 p.

A. G. Gacheva

FACING WAR AND DEATH: WAR THEME IN ALEXANDER GORSKY'S PHILOSOPHICAL AND POETIC WORKS²⁶

Gacheva Anastasia Georgievna. Doctor of science in Philology, leading researcher at the Department of modern Russian literature and literature of Russian abroad of the A. M. Gorky Institute for World Literature of the Russian Academy of Sciences; 25a Povarskaya str, Moscow, 121069, Russian Federation. E-mail: a-gacheva@yandex.ru.

Abstract. The article considers the interpretation of war theme in the late works of Alexander Gorsky (1886–1943), philosopher, poet, and art critic. It is shown that this theme is closely related to the conception of death being overcome. The idea of resurrection is crucial for Gorsky and is rooted in philosophy of N. F. Fedorov. Developing creatively the thought of Fedorov and V. S. Solovyov, Gorsky sees war as a manifestation of the law of struggle and repression that reigns in the order of nature, and believes that the path to “eternal peace” lies in the implementation of the ideas of active Christianity, in the fulfillment of the resurrection task by the human race. The author of the article analyzes the evolution of war theme in Gorsky’s works and comes to the conclusion that philosopher considers it within eschatological context, so that the world war is presented as Armageddon which requires self-determination from humanity in the face of good and evil. Special attention is paid to those poetic works of Gorsky, written during The Second World war, which develop the theme of struggle between forces of light and forces of apocalyptic evil. While describing Gorsky’s

criticism of fascism, the author shows that for the philosopher, fascism appears as the ultimate expression of biologism and militarism, which can only be effectively opposed by the idea of universal kinship and victory over death. In connection with this thesis, we analyze Gorsky’s and his friend, the philosopher N. A. Setnitsky’s interpretation of the concept of «creative Marxism», which he enriches with projective, immortalistic content.

Key words: A. Gorsky’s creativity, war theme, influence of N. F. Fedorov’s philosophy, overcoming death, active Christianity, resurrection tasks, eschatological context, fascism, creative Marxism.

²⁶ The research has been carried out at Gorky Institute of world literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of the Russian science Foundation grant (RSF, project no. 17–18–01432–П).